

Советская педагогика

АКАДЕМИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
СССР

9 1991

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ

**РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ПРОГРАММА СТАБИЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ**

КУЛЬТУРА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

ВНЕАУЧНЫЕ ФОРМЫ ПОЗНАНИЯ

АТЕИЗМ И РЕЛИГИЯ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

ПЕДАГОГ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ ИСМАИЛ ГАСПРИНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ПЕДАГОГИКА"
МОСКВА

СИГНАЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Академия
педагогических наук
СССР

28
1952

Советская педагогика

Ежемесячный
научно-теоретический
журнал

Издается с июля 1937 года

9

Москва
«Педагогика»
1991

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. Н. ФИЛОНОВ
(главный редактор)
П. Р. АТУТОВ
А. В. БАРАБАНЩИКОВ
А. А. БОДАЛЕВ
Р. С. БОЗИЕВ
(отв. секретарь)
В. П. БОРИСЕНКОВ
(зам. главного редактора)
Л. Д. ГИРЕВА
Е. В. КВЯТКОВСКИЙ
К. Н. МЕШАЛКИНА
А. А. МИРОЛЮБОВ
В. М. МОНАХОВ
Н. Д. НИКАНДРОВ
А. И. ПИСКУНОВ
В. К. РОЗОВ
Л. В. ТОДОРОВ
В. С. ХЕЛЕМЕНДИК
П. В. ХУДОМИНСКИЙ
В. М. ШЕПЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

ДНЕПРОВ Э. Д.	Российское образование: программа стабилизации и развития	3
	В комитетах и комиссиях Верховного Совета СССР	
	Выпускник учебных заведений в период перехода к рынку	11
	Культура межнационального общения	
ГАСАНОВ Э. Т. КУРАНОВ М. КАБАКАНОВА С. Ш., УТЕЕВА К. А.	О психологии формирования общенациональных ценностей О гармонии национального и интернационального Содержание образования и формирование культуры межнационального общения	21 24 27
	Научные сообщения	
ПОДОБЕД В. И. АТУТОВ П. Р., КАЛЮГА С. У. НЕМЕНСКИЙ Б. М. ГИНЕЦИНСКИЙ В. И.	Региональная структура управления образованием Политехническое образование в условиях интеграции науки и производства Вненаучные формы познания Индивидуальность как предмет педагогической антропологии	29 35 40 46
	Вопросы обучения и воспитания	
БОНДАРЕВСКАЯ Е. В. ГАЛИЦКАЯ И. А. АРШАВСКИЙ И. А. ЖДАНОВ А. Ю. БОДИНА Е. А.	Гуманизация воспитания стержнеклассников Атеизм и религия как феномены культуры и воспитания Принцип доминанты в системе обучения Индивидуальное и групповое восприятие рок-музыки Рок-музыка в школе: размышления о наблевшем	50 57 62 67 72
	Кадры науки, культуры, образования	
ШАМОВА Т. И., НЕФЕДОВА К. А. ШИЯНОВ Е. Н. РУДНИЦКАЯ О. П.	Развитие системы непрерывного образования Гуманизация профессионального становления педагога Нравственно-эстетическое воспитание студентов	75 80 85
	Публицистика	
ВОЛКОВ Г. Н. ГОНЧАРОВА Т. И., ГОНЧАРОВ И. Ф.	Этнопедагогические заметки Да будут наши помыслы чисты!	89 94
	История школы и педагогики	
КВЯТКОВСКИЙ Е. В. МУХИН М. И. АБЛАЕВ Э. А. САПАРОВ С. М.	От плехановской эстетики до социологической вульгаризации В. А. Сухомлинский о воспитании всесторонне развитой личности Вернуть доброе имя Исмаилу Гаспринскому Из истории трудового обучения в школах Туркменистана	99 104 111 117
	Школа и педагогика за рубежом	
БОГОЛЮБОВ В. И. БОРЕВСКАЯ Н. Е. МОНАХОВ В. М., БОНДАКОВ А. М.	Педагогическая технология: эволюция понятия О восприятии идей мировой педагогики в Китае Международный бакалавриат и возможности его введения в школах СССР	123 128 136
	Критика и библиография	
АНТОНЕЦ М. Я. ТРЕТЬЯКОВ П. И., АХЛЕСТИН К. В. ХОЛМСКАЯ М. Р. ПИЛИНОВСКИЙ В. Я.	Знать, понимать и любить ребенка Методологические проблемы управления школой Перечитаем заново «Мир детства» и перестройка Научная жизнь	140 141 142 144 147

От плехановской эстетики до социологической вульгаризации

Е. В. Квятковский

Как же могло случиться, что наше общество захлестнула волна бездуховности и жестокости? Почему налицо падение нравов и извращение художественных вкусов? Пытаюсь объяснить эти явления, историки и публицисты обращаются к годам «застоя» или к десятилетиям античеловеческой диктатуры Сталина. Кое-кто ищет ответ в трагических событиях гражданской войны и Октябрьской революции 1917 г. Иные с пристрастием анализируют социально-экономические, философские, правовые, гуманистические и нравственные истоки постигшей нас трагедии, в присвоение большевиками идеологии и практики Великой французской буржуазной революции и т. д. * т. п.

Но оставим в стороне причины, под воздействием которых формировались общественные взгляды и нравственные представления нескольких поколений советских людей, экономические предпосылки интересующих нас негативных явлений. Сосредоточим внимание на генезисе тех идей, которые во многом определяли методологию художественного образования и эстетического воспитания подрастающих поколений еще тогда, когда марксистская философия в России завоевывала умы первых своих приверженцев.

Обратимся к некоторым эстетическим идеям, которые выдвигал Г. В. Плеханов. Его идеи определяли умоностроения партийных публицистов и искусствоведов (конец XIX — начало XX в.), сказывались на культурном строительстве в нашей стране в 20-е гг. Приняв в 80-е гг. прошлого века эстафету эстетической мысли у революционных демократов, Г. В. Плеханов продолжал оказывать заметное влияние на современных ему читателей, писателей и педагогов. Такое влияние сохранялось и в первые годы Советской власти, о чем говорил А. А. Фадеев в докладе, прочитанном на Первом всесоюзном съезде пролетарских писателей, — «Столбовая дорога пролетарской литературы» (1928): «Психология действующих лиц потому и приобретает в наших глазах огромную важность, что она есть психология целых общественных классов или, по крайней мере, слоев и что, следовательно, процессы, происходящие в душе отдельных лиц, являются отражением исторического движения» (Фадеев А. А.

Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1960. С. 11—12). По мнению писателя (а его мнение позднее стало доминирующим и непререкаемым в советском литературоведении и критике), показать живого человека — это значит «провести в области литературы последовательно-материалистический метод», который не мог сделать никакой класс в прошлом; поскольку «ни у одного класса, кроме пролетариата, его субъективные чаяния, надежды и интересы не совпадали в конечном счете с его объективной ролью и объективным ходом общественного развития» (там же).

Таким образом, заключал А. А. Фадеев, постановка вопроса о показе живого человека «есть вопрос о гегемонии пролетарской культуры, есть вопрос о новом методе пролетарской литературы» (там же). Не слышит ли искушенный читатель в цитированных экспансиях отзвуки высказываний Г. В. Плеханова, приведенных им в статьях «Два слова читателям-рабочим» (1895), «Гл. И. Успенский» (1888), «С. Каролин» (1889)? Но — обратимся к первоисточнику.

Беседуя с читателями-рабочими, первый русский марксист настаивал: «Только рабочий класс дает поэзии самое высокое содержание, потому что только рабочий класс может быть представителем труда и разума» (Плеханов Г. В. Искусство и литература. М., 1948. С. 487). На первый взгляд странное суждение для человека такого уровня философской и художественной образованности, какая отличала Г. В. Плеханова. Странно звучат и его размышления в статье, где он вспоминает, как в юношеском возрасте понимал роль художественного общения: «Я был тогда в последнем классе военной гимназии. Мы сидели после обеда группой в несколько человек и читали Некрасова. Едва мы кончили «Железную дорогу», раздался сигнал, звавший нас на фрунтовое ученье. Мы спрятали книгу и пошли в цейхгауз за ружьями, находясь под сильнейшим впечатлением всего только что прочитанного нами. Когда мы стали строиться, мой приятель С. подошел ко мне и, сжимая в руке ружейный ствол, прошептал: «Эх, взял бы я это ружье и пошел бы сражаться за русский народ!» Эти слова, произнесенные украдкой в нескольких шагах от строгого военного начальства, глубоко

врезались в мою память; я вспоминал их потом всякий раз, когда мне приходилось перечитывать «Железную дорогу» (там же. С. 634). Вспомнилось это, по-видимому, потому, что выражало его собственную реакцию на стихотворение. Такое воспоминание — свидетельство индивидуального понимания текста и подтекста произведения, и естественным было желание объяснить именно такое понимание в беседе с читателями-работчиками.

«У вас,— продолжал Г. В. Плеханов,— должна быть своя позиция, свои песни, свои стихотворения. В них вы должны искать выражение своего горя, своих надежд и стремлений. И чем сознательнее станете вы относиться к своему положению, тем больше гнева и негодования будет возбуждать в вас ваша современная участь, тем настойчивее будут эти чувства проситься наружу, тем богаче будет ваша позиция. И не одно только горе, не одно отчаяние найдет в ней свое выражение. Понявши, что такое есть работник, вы поймете, чем он может и должен быть. Рядом с недовольством настоящим в вас будет расти вера в то великое будущее, которое открывается перед рабочим классом всех цивилизованных стран. Эта же вера также отразится в вашей поэзии; она-то и сделает ваши песни громкими, могучими, гордыми, как победный клич всеобщей свободы, истинного равенства и нелицемерного братства» (там же. С. 485). Как видим, идея особой поэзии порождалась конкретными историческими условиями — пролетарским революционным движением в России. Мысль эту Г. В. Плеханов отчетливо подчеркнул в той же статье: «Но ваша борьба не имела бы смысла, если бы вы не дали себе ясного ответа в том, во имя чего вы ее начинаете, к каким целям вы стремитесь. Конечно, ошибкой было бы думать, что какие бы то ни было стихотворения могут высказать такие сложные понятия, но они могут служить выражением той мысли, которая должна руководить вами в этой борьбе» (там же. С. 486).

Позже вульгарно-социологический подход к пониманию пролетарской поэзии и культуры привел в первые послеоктябрьские годы к острому и драматическому столкновению представителей различных направлений внутри отечественной культуры и литературы: пролетарские писатели ожесточенно обрушивались с критикой на тех, кто был ими отнесен к так называемым традиционалистам и так называемым националистам, «попутчикам» (группе мастеров

художественного слова, профессионалов, вышедших из интеллигентской среды), к крестьянским и «кулацким» писателям. Такая критика трагически влияла на судьбы деятелей литературы и искусства (В. Маяковский, С. Есенин, Н. Клюев, Н. Гумилев, А. Белый, М. Цветаева, Б. Пастернак, В. Ходасевич и многие другие). Их творчество в течение нескольких десятилетий было почти недоступно для массового читателя. Пролеткультовцев нимало не волновало то обстоятельство, что подлинные произведения мирового искусства (Рафаэля, Рембрандта, Брейгеля, Бетховена или Мусоргского) принадлежат человечеству, они вовсе не были озабочены тем, к какому общественному классу или социальной группе принадлежали творцы. Национальный гений — достояние вселенское. Политические же деформации, исключавшие из практики духовного развития советских людей значительные историко-культурные пласты, были частично исправлены, к сожалению, с большим запозданием. И уже сегодня литературно-художественное образование и духовно-нравственное развитие школьников никто не признает нормальным, если в нем не найдется места произведениям русского зарубежья.

Идея создания особой художественной пролетарской культуры наиболее вульгарное истолкование получила у теоретиков Пролеткульта. В статьях той поры утверждалось, что «немало Богов низвергнуто пролетариатом, немало святых развенчано. Но один Бог уцелел, в один Храм боится вступить победоносный Пролетариат. Этот Бог — красота, этот Храм — искусство». Известно, как резко и критически реагировал В. И. Ленин на левацкие замашки Пролеткультовцев, как настойчиво показывал келейность теоретических постулатов и практики сторонников подобных воззрений.

Обратившись к статьям Г. В. Плеханова (например, о творчестве русских беллетристов-народников Г. Успенского и С. Каролина), можно убедиться, что его волновали в первую очередь не проблемы эстетики как таковой, не единство содержания и художественной формы произведения, не то, что делает художественное произведение полем боя за гуманистические идеалы. Его привлекали в сочинениях судьбы русской крестьянской общины и проблемы социально-экономического развития страны, т. е. то, что было предметом ожесточенной полемики марксистов и народников. Другими словами, и здесь

мы вновь обнаруживаем конкретно-исторический, локальный подход Г. В. Плеханова к литературе.

Вывод его однозначен: «...обратите внимание на те произведения народной белорусской беллетристики, — настаивал он, — в которых художник берет верх над публицистом и даже окончательно вытесняет его; вы не встретите в них таких резко очерченных, художественно обработанных характеров, какие встречаются в «Герое нашего времени», в «Рудине», в «Накануне», в «Отцах и детях» и т. п. Вы не найдете в них и тех картин страстей, тех тонко подмеченных душевных движений, какими привлекают вас сочинения Достоевского и Толстого. Народническая беллетристика рисует нам не индивидуальные характеры и не душевные движения личностей, а привычки и взгляды и, главное, общественный быт массы. Она ищет в народе не человека вообще с его страстями и душевными движениями, а представителя известного общественного класса, носителя известных общественных идеалов. Перед мысленным взором беллетристов-народников несутся не яркие художественные образы, а прозаические, хотя и жгучие вопросы народной экономики. Отношение крестьянина к земле составляет теперь главный предмет их quasi-художественных описаний» (там же. С. 508—509).

Подчеркнув, что произведения беллетристов-народников «немножко угловаты, немножко неприбранны, немножко растрепанны, немножко непричесанны», отразив им в художественном мастерстве, Г. В. Плеханов отметил: «...главное достоинство очерков и рассказов Каронина заключается в том, что в них отразился важнейший из современных общественных процессов: разложение старых деревенских порядков, исчезновение крестьянской непосредственности, выход народа из детского периода его развития, появление у него новых чувств, новых взглядов и новых умственных потребностей» (там же. С. 559).

Пройдут годы, и такой подход станет политической и идеологической нормой оценки создаваемых советскими писателями произведений. В учебную программу по литературе хлынут сочинения, которые не выдерживали художественной критики, хотя и были весьма актуальны с идеологической точки зрения. Именно такие сочинения представляли литературно-художественный процесс в нашей стране. Стихотворения к юбилейной дате, к «красной дате» календаря, отвечавшие сиюминутной актуальности, будь то День Совет-

ской Армии, День железнодорожника, освоение целины, выход человека в космос или освоение районов БАМа, войдут в учебную программу и, начиная с первых шагов пребывания ребенка в детском саду или школе, станут формировать у него примитивный вкус, заниженные критерии духовных потребностей, ограниченные представления о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Постепенно упадет интерес к вершинным достижениям писательского мастерства — классические образцы литературно-художественного творчества уступят место куда менее значимым. Вот только несколько фактов о читательской культуре юношей и девушек некоторых областей, обучающихся в общеобразовательной школе и ПТУ. Литературу, предусмотренную программой, читают 42,8 % опрошенных старшеклассников; фантастику и приключения — 28,2 %; современную литературу (в том числе поэзию и прозу) — 13,1 и 6,2 %; классику — 5,8 %; научно-популярную — 4,9 %. Примечательны мотивы выбора книг — об интересе, пробужденном телевидением, заявили 17 % опрошенных, школой — 21 %, семьей — 11 %, случайный выбор свойствен 51 % (см.: Казачок М. В. Внеклассное чтение как фактор духовного развития старшеклассников на материале изучения украинской литературы. Киев, 1989. С. 16). По словам А. Г. Алексина, в дни, когда в девятих классах общеобразовательной школы изучалось творчество И. С. Тургенева, в Московской республиканской детской и юношеской библиотеке не было ни одной заявки на книгу нашего знаменитого соотечественника.

Сегодня необходима разумная взвешенность, когда мы осмысливаем другой вывод Г. В. Плеханова. «Оплакивая пришествие к нам «цивилизации», — писал первый русский критик-марксист, — Гл. Успенский вполне уподобляется тем социалистам-утопистам, которые, по замечанию Маркса, видели в зле только зло и не замечали его разрушительной стороны, которое низвергает старое общество. По неотвратимой логике вещей создаваемые «цивилизацией» новые люди будут самыми надежными служителями русского прогресса... Только с развитием пролетариата народ перестает быть слепым орудием в руках правительства... Русская критика должна была бы выяснить все это беллетристам» (там же. С. 552).

Как видим, и в этой публикации, внутренне оставаясь на позициях эстетической

критики, Г. В. Плеханов оценивает художественное явление с точки зрения того исторического момента, который определяющим образом повлиял на его воззрение. Эта мысль своеобразно трансформировалась в произведениях дооктябрьской революционной поэзии. Она присутствует во многих поэтических миниатюрах, созданных, например, Г. М. Кржижановским и Л. П. Радиным. Вспомним общую тональность и те образы, к которым обращались авторы: «Кровью народной залитые троны, кровью мы наших врагов обагрим», «Месть беспощадная всем супостатам, всем паразитам трудящихся масс» («Варшавянка»); «Пожаром восстанья объята вся страна, и смерть, и смерть, и смерть вам, тираны!» («Беснуйтесь, тираны...») Вспомним знаменитое: «Кто не с нами — тот наш враг, тот должен пасты!»

Пропаганда жестокости, классовой ненависти выводилась из марксовской идеи о том, что революции являются локомотивами истории и что революционное насилие играет роль повальной бабки при старом обществе, старой социально-экономической формации, когда в их недрах зародилась новая формация. История неоднократно подтверждала все это, о чем, в частности, свидетельствуют восстание Спартака, Великая французская революция, революционные крестьянские войны в России — все они сопровождалось насилием, кровопролитием и многочисленными (порой неоправданными) человеческими жертвами.

Октябрьская революция и последовавшая за ней гражданская война не стали исключением из этого правила. И дело современных историков досконально исследовать: в чем причина неудержимых силовых приемов, какими отмечены общественные события в нашей стране в 1918—1921 и последующие годы? Одно очевидно — идея классовой ненависти, пропаганда жестокости пронизывала и многие художественные произведения 20—30-х гг. Это во многом определяло нравственно-эстетические представления молодежи той поры, глубоко укоренялось в сознании детей еще до того, как они постигали смысл лозунга: «Человек человеку — друг, товарищ и брат!». Антигуманизму часто способствовали неустроенность быта, бедственное экономическое положение страны, ошибки и перегибы в социально-политических преобразованиях, которые трагически отразились на судьбах миллионов людей. Яркое тому подтверждение — политические кампании «расказачивания», «раскрестьянивания»,

«раскулачивания». Эти кампании поэтизировались и прославлялись на страницах журналов и газет, в том числе и на страницах тех книг, которые составляли основу теоретико- и историко-литературной осведомленности школьников.

Обратимся к повествованиям, посвященным не теме «человек на войне», где кровопролитие и жестокость неизбежны, а к таким, где воспроизведены антигуманные картины непримиримых классовых битв.

«Поднятая целина». Около шестидесяти лет занимает этот роман М. А. Шолохова почетное место в учебной программе X (XI) класса. Вспомним картины раскулачивания, сбор семенного зерна в колхозный амбар и то, как осмысливали эти события члены сельской партийной ячейки, и хорошо известную реплику Нагульнова, довольно своеобразно отреагировавшего на заявление Разметнова о том, что сердце не выдерживает при виде происходящего. Воспроизведем текст романа: «Гад, — выдохнул звенящим шепотом, стиснув кулаки, Нагульнов. — Как служишь революции? Жа-ле-е-шь? Да я... тысячи станови зараз дедов, детишков, баб... Да скажи мне, что надо их в распыл... Для революции надо.. Я их из пулемета... всех порешу!» Разумеется, эта реплика принадлежит секретарю партийной ячейки, туманно представляющему социально-политические предпосылки преобразования жизни. Но нельзя забывать (и школьник, как правило, этого не забывает!), что сам автор по-человечески любит своего героя — угловатого, колючего партизана-рубаку, искренне ждущего прихода «мировой революции». У кого из читателей не навернулась на глаза слеза, когда он прочитал строки второго тома романа, звучащие как эпитафия: «Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшптала им поспевающая пшеница, отзвела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремячего буерака...» Безысходная печаль автора, который, по словам очевидцев, без дрожи в голосе не мог прочитать это место в повествовании, передается читателю, навечно поселяется в его сердце, определяет нравственную жизненную позицию. А до многих ли школьников доходила мысль о том, что М. А. Шолохов далеко не однозначно относился к своему герою, был несказанно огорчен теми трагическими ситуациями, в которые Нагульнов сознательно или бессознательно ввергал окружающих? Но влияние поэтических страниц

талантливое произведение (таково свойство искусства слова), возникшее еще в школе, часто сохраняется на протяжении всей жизни человека. И трудно представить, как оно могло неожиданно проявиться в экстремальной ситуации.

Здесь мы сталкиваемся с предпосылками неизбежных «завихрений» в литературно-художественном образовании, гуманистическом развитии и воспитании, которые предопределены смещением в учебной практике школы идеологического, философского осмысления целей классово-вой борьбы и ее интерпретаций в литературе, особенно в тех произведениях, которые адресованы дошкольникам и младшим школьникам. Первое стало доминирующим, определяющим идейно-нравственные позиции мастеров искусства слова. Идеологическое классовое начало стало отодвигать на второй план гуманистический пафос как извечную идею прогрессивного искусства. Это сказалось на качестве разборов литературных текстов на уроке. Противопоставление общечеловеческой и классовой морали нередко становилось принципом, который подчинял себе мировосприятие школьников, особенно тогда, когда такое противопоставление осуществлялось без обстоятельной его «проработки» зрелым умом, когда анализ общественного явления духовного мира, мотивов, определяющих поступки и поведение литературных персонажей, способен пробудить в неустоявшейся личности немало иллюзорных представлений по поводу того, что составляет содержание жизни человека. И надо думать, что одна из причин искривления в поведении, проявления аморальности в современной молодежной среде таится в постановке литературно-художественного образования в школе, в системе интерпретации того, что было написано советскими писателями.

Советская публицистика, в том числе и педагогическая, в течение многих лет настойчиво внушала людям мысль о порочности так называемого внеклассового, общечеловеческого гуманизма. Эта концепция получила «прописку» в школьных курсах истории и обществоведения, что в свою очередь активно моделировало социально-политические представления учащихся. Нужно иметь в виду и другое: советские теоретики морали относили гуманность и другие общечеловеческие ценности к области библейского нравоучительства. Они упустили из виду, что мораль возникла раньше политического и религиозного сознания, что отцы христианской церкви и различные идеологи аккумулировали нравственные доктрины, которые выработало человечество к моменту появления первых проповедников библейского гуманизма. Не учитывали они и того, что отступление от принципов общечеловеческой морали ведет к торжеству несправедливости, злобы, лжи, эгоизма, своекорыстия, идеализации мещанского здравого смысла.

Утвердившийся в литературоведении и школьной практике идеологический классовый подход к оценке созданных писателями произведений уходит корнями в публикации первого русского марксиста Г. В. Плеханова и строится на схематизме, исторической ограниченности, односторонности. Такой вульгарно-социологический подход исключает общечеловеческие нравственные ценности: гуманность, сострадание ближнему, духовное богатство, душевную щедрость, доброжелательство, честь, совесть, собственное достоинство, верность долгу и товариществу, готовность отстаивать свои идеалы и убеждения,— без чего формирование личности сопряжено с существенными нравственными и мировоззренческими потерями.